

И С Л А М Ъ.

1.

Религія со своей теоретической стороны есть выраженіе идеаловъ исповѣдующаго ее народа. Она говоритъ, что есть человѣкъ и чѣмъ онъ долженъ быть. Съ практической стороны религія наставляетъ, что нужно дѣлать для того, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ должно быть. Основатели религій обыкновенно и являлись выразителями идеаловъ народа. Но послѣдователи религіи обыкновенно въ ея ученіе и практическія требованія вносили оппортюнистическія поправки, которыя дѣлали религію теоретически ниже, но практически жизненнѣе и плодотворнѣе, такъ какъ ея требованія оказывались болѣе удобно исполнимыми, а ея представленія болѣе удобопонятными. Съ своими идеальными требованіями религія обыкновенно можетъ имѣть послѣдователей лишь между избранными натурами, но поступаясь идеалами, она привлекаетъ болѣе обширный кругъ почитателей; становясь мелче, она становится шире. Исламъ представляетъ въ ряду религій ту особенность, что въ немъ практическія поправки въ теоретическомъ ученіи внесены уже самимъ основателемъ религіи Магометомъ. Въ ученіи Магомета, какъ оно изложено въ коранѣ, поэтому должно различать теоретическіе идеалы и ихъ оппортюнистическое приниженіе до наличной дѣйствительности. Нужно имѣть въ виду при этомъ, что дѣло приниженія религиозныхъ идеаловъ совершается обыкновенно не путемъ сознательнаго обмана, а пу-

темъ безсознательнаго подчиненія окружающей средѣ. Въ дѣятельности Магомета это происходило такъ же, какъ и въ судьбахъ другихъ религій.

Исламъ характеризуется ясно и строго выраженнымъ ученіемъ о единомъ Богѣ. Магометъ постоянно проповѣдывалъ о единомъ милостивомъ и милосердомъ Богѣ. Откуда возникло это единобожіе и какъ могли принять и усвоить его некультурные обитатели аравійскаго полуострова? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ различнымъ образомъ. Говорятъ о христіанскомъ и еврейскомъ вліяніи на арабовъ. Несомнѣнно, между ними жило много несторіанъ и монофизитовъ, близко къ нимъ жили гностики, остатки которыхъ существуютъ и до настоящихъ дней. Много жило евреевъ особенно въ Мединѣ. Указываютъ и на родство арабовъ съ евреями, на генеалогіи Библии и корана одинаково производящихъ поселенцевъ Аравіи отъ Авраама. Выходитъ, что арабы произошли отъ монотеистовъ и жили среди монотеистовъ. Но несомнѣнно, что до VII в. по Р. X. на арабскомъ полуостровѣ существовали и многобожіе и идолопоклонство. Чѣмъ далѣе мы будемъ отступать въ древность, тѣмъ эти многобожіе и идолопоклонство оказываются ярче и рѣзче выраженными. Отсюда вытекаетъ, что совершенно напрасно въ вѣрованіяхъ позднѣйшихъ арабовъ искать слѣдовъ непосредственнаго вліянія Авраама и Измаила. Можно составить гипотезу, что въ нѣкоторой части арабовъ сохранялось истинное богопочитаніе, по крайней мѣрѣ съ незначительными искаженіями, сохранялись преданія тоже въ довольно близкомъ къ истинѣ видѣ, что изъ этой общины вышелъ или по крайней мѣрѣ къ ней примкнулъ Магометъ. Такая гипотеза прекрасно объясняетъ многія страницы корана и духъ ученія Магомета, но должно сознаться, что для нея не имѣется никакихъ основаній. Правда, историческій періодъ жизни арабскаго народа въ сущности начинается съ Магомета, но однако теперь открыто довольно много памятниковъ, говорящихъ о религіозномъ прошломъ Аравіи и за много вѣковъ до появленія пророка. Эти памятники говорятъ о многобожьи, но ничего не говорятъ объ Авраамѣ. За всѣмъ тѣмъ гипотеза сохраненія религіозной истины и религіозныхъ преданій въ нѣкоторой вѣтви арабовъ, разумѣется, не можетъ быть отвергнута а priori, нужно только помнить, что она

ничѣмъ не доказана. Покойный Вл. Соловьевъ представляетъ одно доказательство этого. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что преданія объ Адамѣ, Евѣ, Авраамѣ, Агари и Измаилѣ связываются у арабовъ съ Меккою, гдѣ евреи никогда не жили, и дѣлаетъ выводъ, что преданія эти заимствованы не отъ евреевъ, что, слѣдовательно, они преданы отцами арабовъ своимъ потомкамъ. Самъ Соловьевъ впрочемъ отмѣчаетъ теорію Дози, по которой Мекка первоначально была еврейскимъ поселеніемъ, оговариваясь лишь, что теорія Дози не нашла признанія въ наукѣ. Это вѣрно. Но развѣ Мекка отстоитъ далеко отъ Медины, которая была мѣстомъ обитанія многихъ евреевъ? Развѣ евреи по торговымъ дѣламъ не бывали въ Меккѣ? Развѣ тѣ арабы, которые слушали рассказы евреевъ въ Мединѣ, не переселялись потомъ въ Мекку? У народовъ вовсе нельзя даже отмѣтить тенденціи, по которой бы они всегда стремились преданія прошлаго пріурочивать къ мѣсту своего настоящаго обитанія. Развѣ съ Іерусалимомъ евреи связываютъ свою древнѣйшую исторію? Развѣ русскіе представляютъ, что ихъ первоначальная судьба связана съ Москвою? То обстоятельство, что по арабскимъ сказаніямъ Адамъ воздвигъ храмъ въ Меккѣ, Авраамъ съ Измаиломъ его возстановили, что тамъ блуждала Агарь, которой ангель Гавріиль указалъ источникъ Замъ-замъ, обстоятельство это не выяснено, но что тысячи различныхъ и случайныхъ причинъ могли его создать, это несомнѣнно. Существуютъ странствующие рассказы и повѣсти и такія повѣсти принятыя отъ другихъ народовъ многіе народы легко и крѣпко вплетываютъ въ свою исторію и родословную. У насъ Иванъ Грозный пытался произвести себя отъ Прусса, брата римскаго императора Августа. Эта родословная не удалась. Но родословная Августа отъ Энея держалась столѣтія. Мекка была важнымъ пунктомъ на арабскомъ полуостровѣ, съ ней связали и важныя преданія.

Но усвоеніе нѣкоторыхъ преданій монотеистическаго народа, конечно, не есть еще усвоеніе монотеизма. Нѣкоторыя сказанія браманизма и буддизма почти буквально сходны съ нѣкоторыми повѣствованіями Библии. Однако ученіе о божествѣ этихъ религій очень различно. Еслибы арабы приняли іудейство, то конечно, они приняли бы и монотеизмъ.

Но они не приняли вѣры евреевъ, они имѣли дѣла съ евреями, несомнѣнно знали еврейскія повѣствованія и еврейскія преданія, но они не отрекались отъ вѣры своихъ боговъ. Можетъ быть мы будемъ недалеко отъ истины, если выскажемъ догадку, что принятіе ими монотеизма было для нихъ легко, потому что съ самаго древняго времени у нихъ были монотеистическія тенденціи и хотя у нихъ держался политеизмъ, но онъ имѣлъ такой характеръ, что всегда легко могъ перейти въ монотеизмъ. Можно не соглашаться съ объясненіями Ренана, но нельзя совсѣмъ признавать несправедливымъ его положеніе, что семитамъ свойствененъ монотеизмъ. Есть много фактовъ, обнаруживающихъ въ семитахъ склонность многихъ боговъ замѣнять однимъ. Такъ, въ Ассиріи нѣкогда богъ Набу или Небо вытѣснилъ другихъ боговъ—правда, на недолгое время, но въ Вавилонѣ Мардукъ оттѣснилъ на второй планъ всѣхъ другихъ боговъ на долго. Отъ Хамоса моавитянъ вѣетъ единобожіемъ. Теогоніи финикіянъ до сихъ поръ заставляютъ нѣкоторыхъ ученыхъ утверждать, что въ Финикіи былъ монотеизмъ. Сущность всѣхъ этихъ фактовъ состоитъ въ томъ, что у семитическихъ народовъ одинъ богъ или въ теоріи (въ теогоніяхъ) или на практикѣ (въ культѣ) настолько отодвигалъ отъ себя другихъ боговъ, что становился какъ бы богомъ единственнымъ. Въ ряду семитовъ арабы обладали еще нѣкоторымъ особеннымъ свойствомъ, что дѣлало для нихъ наиболѣе удобопріемлемою доктрину монотеизма: они были крайне свободолюбивы. Тамъ, гдѣ доктрина политеизма была разработана: политеизмъ тысячью предписаній стѣснялъ свободу человѣка. Въ такое то время онъ долженъ былъ имѣть дѣло съ такимъ богомъ, въ такое то съ такимъ то. Формы почитанія каждаго бога были строго регламентированы и опредѣлялись индивидуальными особенностями бога. Но тамъ, гдѣ на мѣсто множества боговъ поставлялся одинъ всемогущій, милостивый и милосердый Богъ, строго разработанный и мелочный ритуализмъ и формализмъ теряли свое значеніе. И въ этомъ отношеніи для свободолюбивыхъ сыновъ пустыни монотеизмъ являлся сравнительно болѣе привлекательною формою религіи.

Боги древней Аравіи, это тѣже старыя боги Халден. Илъ, Биль, Шамсъ, Атхоръ, Силь, Симданъ представляютъ собою

лишь слегка измѣненныя (а Синъ даже неизмѣненное) имена вавилонскаго пантеона. Такое имя, какъ Дху-Самави представляетъ буквальный переводъ финикійскаго Вааль-Самайнъ. У сѣверныхъ арабскихъ племенъ встрѣчаются культы и буквально тождественные съ культами ханаанскихъ сирійскихъ и вавилонскихъ племенъ (см. Чис. XXII—XXV). Но одно божество выдѣляется въ арабскомъ пантеонѣ, поднимается надъ другими, заслоняетъ собою ихъ и въ концѣ концовъ ихъ вытѣсняетъ. Это—Аллахъ. Въ глубокой древности ему придавалось еще имя Иль-Макахъ—богъ, который внимаетъ. Культъ его былъ наиболѣе распространенъ. Его называли Аллахъ таала—высшее божество. Въ клинообразныхъ надписяхъ, говорящихъ о состояніи Аравіи въ VIII—VII в.в. до Р. Х. имя Аллахъ часто входитъ въ составъ географическихъ обозначеній, каковы—наприм., Ау-Аллахъ, Шамъ-Аллахъ. Предъ временемъ Магомета секта ганифовъ исповѣдывала вѣру въ единаго бога Творца-Аллаха ¹⁾. Въ вѣрованіяхъ этой секты, какъ вообще въ вѣрованіяхъ арабскихъ племенъ позднѣйшей эпохи, было много іудейскихъ и христіанскихъ элементовъ, но имя Аллаха ведетъ насъ въ древность много предшествующую появленію христіанства. Аллахъ вытѣснялъ другихъ боговъ постепенно, онъ ограничивалъ ихъ власть, закрывалъ ихъ имена своимъ именемъ, и они постепенно ниспадали на роль—духовъ, благодѣтельствующихъ или вредящихъ людямъ. Таковы, джинны, гули (духи вредоносные), подобными являются и Бенаъ Аллахъ—дочери Аллаха. Но прежде чѣмъ настала эта эпоха, слѣды которой еще видны въ коранѣ, древніе боги семитовъ господствовали въ Аравіи подъ самыми различными именами. Съ свойствами бога солнца являются здѣсь Атаръ-Самайнъ, Уроталь, Изафъ, Вадъ, Манафъ, Ягутъ, Яукъ, Хобаль. Лунное божество, которое управляетъ рожденіями, называлось Алилатъ-Аллатъ, Хаила, Саваха, Монатъ. Характерно развитъ въ арабской теологіи образъ гермафродитнаго божества Аторъ или Атаръ. Это имя часто встрѣчается

¹⁾ Слово *ганифъ* по Шпренгеру значитъ отступникъ, нечестивецъ отъ корня *hpf*—отвращаться. По Велльгаузену это слово можно перевести: *аскетъ* (см. Крымскаго—Исторія мусульманства. М. 1903). По Мюллеру (*Der Islam*) ганифами назывались христіане евиониты.

на гиміаритскихъ надписяхъ. Аторъ представлялся, какъ лицо мужское и назывался отцомъ Сина, но въ тоже время Аторъ лицо совершенно женское. Аторъ — *Venus barbata*, царь Астарты. Аторъ упоминается въ клинообразныхъ надписяхъ Ассурбанипала, какъ одно изъ главныхъ арабскихъ божествъ: Атаръ-Самаинъ-Атаръ небесъ. Этотъ образъ сближаютъ съ египетской Гаторъ и полагаютъ, что культъ ея былъ введенъ фараонами на западномъ берегу аравійскаго полуострова.

Въ религіи арабовъ получилъ преобладающее значеніе сабеизмъ—почитаніе свѣтилъ. Почитали семь планетъ (т. е. солнце, луну и пять планетъ извѣстныхъ древнимъ), наиболѣе обращающія на себя вниманіе звѣзды, каковы—Альдебаранъ (глазъ тельца), Канопусъ (Сохаиль), Сиріусъ (Шаари лебуръ), почитались Плеяды, зодіакальныя созвѣздія. Жившіе въ своихъ пустыняхъ жизнью природы, арабы ближе и больше должны были видѣть связь земной жизни съ небесными перемѣнами. Весною предъ равноденствіемъ арабы держали тридцатидневный постъ въ честь поднятія солнца на небо (на наибольшую высоту), и затѣмъ предъ наступленіемъ равноденствія, когда солнце вступало въ знакъ овна (ν), у нихъ устраивался торжественный праздникъ. Зодіакъ арабы называли кругомъ двѣнадцати укрѣпленій. О звѣздахъ у нихъ была составлена цѣлая серія поэтическихъ сказаній. Звѣзды для нихъ были живыми душами, исторія которыхъ часто представляла ужасную трагедію. Канопусъ былъ мужемъ Альяузы (Оріона), онъ умертвилъ жену, бѣжалъ къ полярной звѣздѣ, его преслѣдовалъ Шаари лебуръ. Годъ у аравитянъ былъ лунный, нѣкоторые изъ мѣсяцевъ назывались святыми, названія нѣкоторыхъ буквально должно переводить такъ: непоколебимо святой, высоко чтимый, мѣсяць открытія, мѣсяць паломничества.

Узнавая отъ другихъ или приходя къ мысли, что эта звѣздная гармонія есть твореніе единого всѣмъ управляющаго Бога, арабъ затѣмъ приходилъ къ мысли, къ какой всегда приходили всѣ народы, что этотъ Богъ есть Богъ преимущественно его, покровительствующій особенно ему, наиболѣе требующій отъ него почтенія и Ему и имѣющей наиболѣе воздать. Это вѣрованіе общечеловѣчно. Человѣкъ обыкновенно поставляетъ самого себя въ томъ центрѣ человѣче-

ства, которому наиболѣе покровительствуетъ Богъ. Можетъ быть это есть слѣдствіе того, что всякій человѣкъ вѣрующій въ Бога правильно и неправильно, такъ или иначе, болѣе и менѣе чувствуетъ на себѣ воздѣйствіе Божества и не наблюдаетъ его на людяхъ чуждыхъ ему и далекихъ. Многие изслѣдователи приходятъ къ заключенію, что арабы—народъ мало религіозный. Въ доказательство приводятъ рассказы о томъ, какъ равнодушно относились нѣкоторые къ обѣщаніямъ рая или ада, которыя дѣлалъ Магометъ. Но изъ этихъ рассказовъ нельзя дѣлать тѣхъ выводовъ, которые дѣлаютъ изъ нихъ обыкновенно. Равнодушіе къ обѣщаніямъ рая или ада можетъ имѣть своимъ источникомъ недовѣріе къ обѣщающему и неотчетливость представленій рая или ада. Арабы—люди чувства, такіе обыкновенно бываютъ религіозными. Кто видѣлъ и зналъ арабовъ атеистовъ? Ихъ философія въ значительной части была мистическою и ихъ рационализмъ никогда не поднимался до отрицанія божества. Весьма поучительно, что съ слабо развитымъ политеизмомъ, съ неразвитымъ идолопоклонствомъ (эстетическую природу араба отталкивало безобразіе идола) у арабовъ былъ широко развитъ фетишизмъ: они почитали камень каабы, источники, деревья, священныя мѣста. На что указываетъ это? На то, что арабъ вездѣ чувствовалъ божественное. По своему развитію арабъ первыхъ вѣковъ христіанской эры стоялъ много выше грубаго африканскаго фетишиста. Но его чутко-нервная натура воспринимала воздѣйствіе окружающей природы, какъ воздѣйствіе божества. Пустыня была для араба храмомъ и въ ея безмолвіи онъ постоянно слышалъ голосъ Бога. Ко времени Магомета во многихъ уже утвердилась истина, что этотъ Богъ—одинъ Аллахъ. Избранный народъ, конечно, тотъ, который почитаетъ Аллаха. Во времена древнія арабы дробились на множество племенъ, которыя противоплагали себѣ такъ же, какъ еллинъ варвару или іудей язычнику. Но вотъ—у различныхъ племенъ оказывается одно имя божества (Аллахъ), одно пониманіе божества. Затѣмъ постепенно открывалось, что эти племена имѣютъ между собою много общаго такого, чего не имѣютъ другіе народы: общій языкъ, сходныя преданія, тождественныя обычаи и одинаковыя воззрѣнія. Рядомъ съ идеею о единствѣ божества у арабовъ начинаетъ возникать и расти идея един-

ства націи. Ганифы не были обособленнымъ племенемъ арабскаго народа, они были, переводя буквально значеніе слова, отступниками отъ разныхъ племенъ для того, чтобы всѣ племена объединить въ одинъ народъ. Мало этого. Международныя сношенія арабовъ,—весьма также вѣроятно,—библейскія и христіанскія сказанія постепенно развивали мысль и о единствѣ не только арабскихъ племенъ, не только даже семитовъ, но вообще всего человѣчества. Отсюда слѣдоваль выводъ, что и другіе народы не изъяты изъ сферы божественнаго попеченія, что божественное промысленіе всеобщее. Этотъ выводъ подсказывалъ новый выводъ, что съ проповѣдью объ истинномъ Богѣ должно обращаться ко всѣмъ народамъ.

Магометъ былъ тѣмъ, кому было суждено ввести въ общее арабское сознаніе идею единства божества и единства человѣчества. То и другое положеніе въ соединеніи со многими иными, развивавшими и дополнявшими ихъ, не были новы для арабовъ. Магометъ и не называлъ себя новаторомъ... Онъ всегда утверждалъ, что Богъ отъ вѣка открывалъ свою волю на землѣ, что воля Его была извѣстна. Пріемъ Магомета обычный пріемъ основателей религій. Основатель религій прежде всего религіозенъ самъ. Религіозный человѣкъ не допуститъ мысли, что Богъ до него оставлялъ людей въ религіозномъ невѣдѣніи. Мысль, что Богъ всегда возвѣщалъ людямъ истину, является для него религіознымъ постулатомъ. Но наблюденіе открываетъ далѣе религіозному мыслителю, что люди считаютъ истиной грубѣйшую и вредную ложь и что и то, что въ преданіяхъ человѣческихъ является религіозною истиною, недостаточно для руководства людей. Отсюда—теорія и практика возстановленія и дополненія откровенія. Магометъ руководился ею. Въ религіозно-нравственномъ ученіи Магомета не было ничего такого, что бы могло побудить къ упорной и кровопролитной войнѣ, причина борьбы, которую пришлось пережить Магомету, лежала не въ ученіи Магомета о Богѣ и обязанностяхъ человѣка къ Богу, она заключалась въ ученіи Магомета о самомъ себѣ. Онъ—Магометъ посланникъ Божій, призванный утвердить въ сознаніи арабскаго народа истины возвѣщенныя изначала, онъ возвѣщалъ не новое, а то, что Богъ говорилъ отцамъ арабовъ издревле и если онъ порою до-

полняетъ раннія откровенія, то онъ во всякомъ случаѣ не прогрессируетъ. Но онъ посланникъ Божій, онъ знаетъ и возвѣщаетъ религіозныя истины точно. *Его все обязаны слушать и ему обязаны подчиняться.* Вотъ—новый догматъ вѣры провозглашенный Магометомъ, который прежде чѣмъ быть принятымъ, долженъ былъ стать предметомъ многихъ споровъ. Для арабовъ ранѣе существовалъ одинъ авторитетъ—традиція, обычаи предковъ. По традиціи арабы жили, по традиціи выбирали шейховъ-управителей племенъ, по традиціи мстили, воевали, мирились. И вотъ, вдругъ изъ среды арабовъ поднимается человекъ, который говоритъ, что болѣе, чѣмъ силѣ обычаевъ, болѣе, чѣмъ власти шейховъ, арабы обязаны повиноваться ему. Немного вообще бываетъ охотниковъ надѣвать на себя безъ постороннихъ принужденій ярмо и то обстоятельство, что арабы всетаки такое религіозное ярмо надѣли, заставляетъ предполагать въ нихъ значительный религіозный энтузіазмъ. Иногда, правда, это ярмо надѣвалось и по прозаическимъ побужденіямъ. Когда Магометъ уже съ многочисленными послѣдователями двинулся изъ Медины на Мекку и расположился станомъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ послѣдней, нѣкто Абу-Софьянъ былъ посланъ изъ Мекки на развѣдки о силахъ Магомета. Абу-Софьянъ встрѣтилъ Аббасъ—приверженецъ Магомета и сталъ убѣждать его, чтобы онъ склонилъ мекканцевъ покориться Магомету. Дѣйствительность должна была показать Абу-Софьяну, что не оставалось ничего, какъ покориться. Когда убѣждаемый въ этой истинѣ онъ былъ приведенъ Аббасомъ въ палатку Магомета, Магометъ спросилъ его: „ну, Абу-Софьянъ, убѣжденъ ли ты теперь, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха?“—„Благородный повелитель, еслибы былъ еще иной Богъ, Онъ помогъ бы мнѣ побольше“. — „Признаешь ли ты теперь и то, что я посланникъ Божій?“—„Благородный повелитель, прости меня, что въ этомъ отношеніи я питаю кое-какія сомнѣнія“. „Горе тебѣ, вскричалъ тогда присутствовавшій при разговорѣ Аббасъ, теперь не время сомнѣваться, произнеси исповѣданіе вѣры, я настоятельно этого требую отъ тебя, а не то голова съ плечъ“. Этотъ аргументъ Абу-Софьянъ нашелъ убѣдительнымъ и произнесъ: нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ

Его ¹⁾. При подобныхъ обстоятельствахъ, конечно, многіе сдѣлались бы магометанами, но важно, что Абу-Софьянъ, мекканцы и многіе иные остались магометанами и послѣ того, какъ эти обстоятельства миновали. Арабъ свободлюбивъ, онъ переоцѣниваетъ свои индивидуальныя силы, представляетъ ничтожными силы противниковъ и потому уловить такого сына свободы въ послушаніе вѣры нелегко. Затѣмъ, арабъ чловѣкъ чувства и страстей. Поработить свои страсти требованіямъ какого бы то ни было закона для него трудно. Рабъ чувства арабъ несклоненъ быть рабомъ чьего-либо произвола или чьихъ-либо случайныхъ и постороннихъ требованій. Для него легче сгорѣть въ огнѣ собственной страсти, чѣмъ жить въ рабскомъ подчиненіи какому-то закону. Для характеристики страстной природы араба весьма поучительнымъ является преданіе объ узритахъ, съ которыми, по своему происхожденію, былъ родствененъ пророкъ. У бедуина спросили однажды: „какого онъ племени“? Онъ отвѣчалъ: „я принадлежу къ тѣмъ, которые умираютъ, если полюбятъ“. Тогда одна молодая дѣвушка присутствовавшая при разговорѣ и внимательно къ нему прислушивавшаяся воскликнула: „клянусь всемогущимъ богомъ, это — узритъ“. Узра это одно южно арабское племя. Гейне въ своемъ драгоцѣнно художественномъ стихотвореніи называетъ его Азра („Магометъ я изъ Іемена, родомъ Азра, всѣ мы въ родѣ умираемъ, какъ любимъ“). Арабское преданіе говоритъ, что нѣкая Фатима, вдова Килаба изъ племени корейшитовъ, проживавшая въ Меккѣ и имѣвшая двухъ сыновей Зухра—почти юношу и Зейда—маленькаго ребенка—вышла за узрита и поселилась съ мужемъ въ ятрибъ (позднѣйшей Мединѣ). Зухра Фатима оставила на родинѣ, а Зейда взяла съ собою. Отъ мужа узрита Фатима родила сына, котораго назвала Ризахъ. Зейдъ воспитывался вмѣстѣ съ своимъ своднымъ братомъ и такъ какъ жилъ въ отдаленіи и обособленіи отъ своей родины, то получилъ имя Косай („бѣдняжка“ отъ *kassi*—отдѣлять, удалять). Впослѣдствіи Косай вернулся въ Мекку, здѣсь онъ женился на дочери Хулейля, въ рукахъ котораго находилась величайшая святыня Мекки и арабовъ—камень каабы. Нерѣдко ключи отъ этой святыни

¹⁾ См. Крымскаго *op. cit.* стр. 79.

Хулейль передавалъ Косаю. Но наслѣдникомъ своимъ Хулейль назначилъ не Косая, но своего соплеменника Абу-Губшана и ему передалъ ключи отъ храма. Косай напоилъ Абу-Губшана пьянымъ. Абу-Губшанъ сталъ просить вина еще. Косай согласился дать ему вина за ключи отъ каабы. Абу-Губшанъ отдалъ ключи за глотокъ вина Косаю, подобно какъ нѣкогда Исавъ отдалъ Иакову первородство за чечевичную похлебку. Послѣ этого Абу-Губшанъ вошелъ въ половицу у арабовъ. Выраженія: „покупка Абу-Губшана“ и „глупѣ Абу-Губшана“ заключаютъ въ себѣ глубочайшее презрѣніе. Но захватившему ключи Косаю затѣмъ пришлось еще ихъ отстаивать отъ притязаній соплеменниковъ Абу-Губшана и вотъ въ борьбѣ съ ними Косай привлекъ на свою сторону своднаго брата Ризаха и узритовъ. Такимъ образомъ даже это племя страсти Косаю удалось подчинить своему авторитету и привлечь къ своимъ интересамъ. Косай, по преданію, былъ дѣдомъ прадѣда Магомета.

Генеалогію пророка традиція представляетъ слѣдующимъ образомъ: Корейшъ (отъ него племя корейшитовъ)... Черезъ неопредѣленное число поколѣній отъ Корейша Косай, затѣмъ непрерывный рядъ: Абдъ-Менафъ, Хашимъ, Абдъ-эль-Мутталибъ, Абдалла, Магометъ. Имя отца Магомета Абдъ-Алла значитъ служитель Аллы, служитель божій, имя его матери Амина, значитъ вѣрная. Трудно настаивать на правдивости этой генеалогіи или опровергать ее. Во всякомъ случаѣ эта традиціонная генеалогія, боковыя вѣтви которой показываютъ отношеніе Магомета къ другимъ арабскимъ родамъ (въ частности наприм., къ роду выше упомянутаго Абу-Софьяна) отражаютъ въ себѣ характеръ взаимоотношеній этихъ родовъ въ эпоху Магомета.

Дѣло Магомета—созданіе Ислама (Исламъ значитъ послушаніе, покорность) тѣснѣйшимъ образомъ связано съ его жизнью и съ жизнью близкихъ къ нему лицъ. Это естественно должно было произойти, какъ слѣдствіе появленія новаго догмата, о которомъ было сказано выше—догмата послушанія пророку и затѣмъ его преемникамъ. Особенность ислама та, что онъ прямо при своемъ возникновеніи и болѣе всего вскорѣ послѣ своего возникновенія сталъ религіею политической. Если имѣть въ виду вѣро-и-правоученіе ислама, то онъ является религіею, которую нѣтъ нужды

связывать ни съ какою опредѣленною личностію. Но если не ограничиться этимъ, а постараться понять исламъ, какъ историческое явленіе, то необходимо прежде всего узнать личность и жизнь его основателя—Магомета.

2.

Магометъ ¹⁾—слишкомъ историческое лицо, чтобы около него можно было сплестать много неисторическихъ легендъ. Преданіе не представляетъ его ни царскимъ сыномъ, какъ Будду, не сверхъестественнымъ посланникомъ на землю, при появленіи котораго творятся безчисленные чудеса и ликують высшія силы, какъ это происходитъ при аватарахъ Вишну. Ни усердіе почитателей, ни фантазія поэтовъ не могли отвергнуть факта,—хотя несомнѣнно нѣсколько исказили и затемнили его,—что Магометъ происходилъ изъ незнатной и бѣдной семьи, что вся его жизнь вплоть до зрѣлаго возраста была очень прозаическою. Годомъ рожденія Магомета обыкновенно называютъ 570. Приблизительно эта цифра вѣрна, но на точности ея нельзя настаивать. Днемъ рожденія называютъ 20 апрѣля, но нѣкоторые склонны таковымъ считать и 27 августа. 570-й годъ извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ слоноваго. Войска абиссинскаго негуса въ этотъ годъ съ большимъ количествомъ слоновъ осадили Мекку. Эти войска поразила язва, какъ нѣкогда полчища Сенахерима. Преданіе хочетъ, чтобы въ ночь этого пораженія родился Магометъ, и чтобы въ эту же ночь неугасимый огонь, непрерывно поддерживавшійся въ храмѣ

¹⁾ Данныя о жизни Магомета представляютъ прежде всего коранъ и затѣмъ преданія (хадисы), которыя начали собираться и записываться уже вскорѣ послѣ смерти пророка. Въ русскомъ переводѣ имѣется „жизнь Магомета“ написанная *Ибнъ-Гишамомъ* (умершимъ около 830 г.) и представляющая переработку труда *Ибнъ-Исхака* (умершаго около 768), отъ котораго цѣль преданій легко довести до Аипи, жены Магомета. Изъ біографій составленныхъ европейскими учеными должны быть названы *Велльгаузена* (Магометъ въ Медивѣ), *Ганье* (Жизнь Магомета), *Вейля* (пророкъ Магометъ) *Мюира* (жизнь Магомета), *Шпрегера* (жизнь и ученіе Магомета), *Креля* (жизнь Магомета), *Гримме* (Магометъ), *Мюллера* (Исламъ на востокъ и западъ; имѣется въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: исторія Ислама), *Петрова* (Магометъ), *Вл. Соловьева* (Магометъ, почти исключительно по Мюллеру), *Крымскаго* (Исторія мусульманства, именно переводъ статей Дози и Гольдциера съ самостоятельными дополненіями).

Ормузда въ теченіе 1000 лѣтъ, погасъ, приведя этимъ въ трепеть персидскаго царя Хозроя. Религіи Ормузда Магометъ дѣйствительно нанесъ роковой ударъ. Что же касается до слоновъ и войскъ абиссинскаго негуса, пораженныхъ невидимою высшею силою, то Магометъ не побѣдилъ ни войны, ни христіанства. Войны онъ даже умножилъ. Изъ христіанства исламъ отторгъ самые малоцѣнные и сомнительные элементы. Да и торжество его надъ этими элементами теперь представляется уже неособенно прочнымъ. По отношенію къ языческимъ арабамъ Магометъ своимъ ученіемъ не удалилъ, а, наоборотъ, приблизилъ ихъ къ христіанству.

Въ числѣ предковъ Магомета называютъ Абдъ - Менафа. Менафъ—имя языческаго арабскаго божества. Не указываетъ ли это на то, что въ самомъ родѣ пророка могъ отчасти держаться политеизмъ. Впослѣдствіи Магометъ далъ тоже имя одному изъ своихъ сыновей. Это было значительно раньше его выступленія на религіозное служеніе. Не были ли и самъ пророкъ нечуждъ тогда мысли о многихъ богахъ? Есть одно преданіе, котораго мы коснемся позже и которое даетъ основанія для такого предположенія. Но положительныхъ данныхъ о религіи предковъ Магомета не имѣется. Отецъ Магомета небогатый купецъ Абдулла вскорѣ послѣ своего брака съ Аминой долженъ былъ по торговымъ дѣламъ отправиться въ Газу и на обратномъ пути изъ этого города умеръ мѣсяца за два до рожденія сына, которому дали имя Магометъ. Преданіе представляетъ, что мать Амина отдала его на воспитаніе кормилицѣ въ деревню. Мюллеръ склоненъ видѣть въ этомъ преданіи тенденцію приписать Магомету родовитость и знатность, такъ какъ только богатая городскія женщины имѣли средства нанимать кормилицу и воспитывать своихъ дѣтей на свѣжемъ деревенскомъ воздухѣ. Но подробности этого преданія показываютъ, что если оно и имѣло въ виду возвеличить Магомета, то не на счетъ его рода и богатства. Женщины изъ племени Бени-Садъ явились въ Мекку съ предложеніемъ себя въ кормилицы. Въ числѣ ихъ была нѣкая Халима, у ней былъ мужъ и ребенокъ. Ея имущество состояло изъ ослицы и верблюдицы не дававшей молока. У самой Халимы молока тоже не было. Былъ голодъ. Заработка найти не удавалось. Ея товарки нашли себѣ питомцевъ. Но ей представлялась воз-

можность взять только Магомета. О немъ говорили: „это—сирота, за него немного получишь“. Значить, Магометъ считался бѣднымъ. Однако Халима съ согласія мужа и въ надеждѣ на благословеніе Аллаха взяла мальчика. Благословеніе Аллаха не замедлило явиться. У Халимы появилось молоко, у верблюдицы тоже, у ослицы — необыкновенная рысь; въ безводной области, гдѣ они жили, явилась вода. У нихъ оказался достатокъ. Это побудило Халиму предложить матери Магомета продержатъ у ней мальчика дальѣе нужнаго времени. Амина согласилась. Но Халимѣ вскорѣ пришлось взять назадъ свое предложеніе. „Мѣсяць спустя (послѣ вторичнаго водворенія Магомета у Халимы) онъ какъ-то разъ былъ съ своимъ молочнымъ братомъ возлѣ стада, которыя паслись—передаетъ преданіе устами Халимы — позади нашего кочевья, и вдругъ его братъ закричалъ намъ: два человекъ въ бѣлой одеждѣ схватили нашего корейшита, повалили его на землю и распоролѣ ему тѣло. Я съ мужемъ кинулась туда. Видимъ. Магометъ стоитъ, но блѣденъ. Спрашиваемъ, что случилось? Онъ говоритъ, что два человекъ распоролѣ ему тѣло и чего-то тамъ искали, а чего — онъ самъ не знаетъ. Испуганные этимъ случаемъ воспитатели Магомета отвели его къ матери и здѣсь, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Халима объяснила, почему она то просила себѣ Магомета, то теперь возвращаетъ его. Амина сказала: ты боишься, какъ бы имъ не овладѣлъ бѣсъ... Клянусь Аллахомъ, ничего такого не будетъ, діаволъ надъ нимъ не имѣетъ силы... Когда я была имъ беременна, изъ меня вышелъ такой яркій свѣтъ, что я могла видѣть бастрійскіе дворцы. А какъ только родила его на свѣтъ, онъ положилъ свои ручонки на землю и поднялъ голову къ небу“. По другой версіи маленькій Магометъ игралъ однажды съ другими дѣтьми. Вдругъ является ангелъ Гавріиль, схватываетъ его, распарываетъ тѣло, вырываетъ изнутри дымящійся кровью кусокъ и бросаетъ въ сторону говоря: это принадлежитъ діаволу. Потомъ онъ оmyваетъ внутренности водою изъ Замъ-Замъ, которую принесъ съ собою въ золотой чашѣ и закрылъ рану. Дѣти бросились съ крикомъ: Магомета убили. Халима нашла его распростертаго на землѣ и блѣднаго какъ смерть. Повѣствователь добавляетъ отъ себя: мы сами видѣли на груди его глубокій шрамъ.

Нѣкоторые изслѣдователи пользуются этимъ разказомъ для доказательства, что Магометъ съ ранняго дѣтства подвергался припадкамъ и галлюцинаціямъ. Версіи разказа для нихъ безразличны, но въ основѣ ихъ они хотятъ видѣть дѣйствительный фактъ. Но еслибы не было даже никакихъ данныхъ для объясненія этого сказанія, и то естественно подсказывается мысль, что это сказаніе возникло въ цѣляхъ морально-дидактическихъ. Магометъ въ раннемъ дѣтствѣ сверхъестественнымъ образомъ былъ очищенъ отъ скверны грѣха и сталъ святымъ. Это естественное предположеніе находитъ себѣ и подтвержденіе и дополненіе въ 103 и 104 сурахъ (главахъ) корана. Въ 103 сурѣ говорится: „Онъ (Богъ) нашелъ тебя заблудшимъ и наставилъ“. 104 сура начинается отъ имени Бога: „Не открывали ли мы твоего сердца? И не сняли ли бремя, тяготившее твои плечи (1—3)“. Такимъ образомъ Магометъ сообщаетъ о себѣ въ коранѣ, что онъ нѣкогда былъ заблудившимъ и носилъ бремя грѣховъ, но что Богъ наставилъ его на путь истины и снялъ съ него бремя грѣховъ. Эти суры подали поводъ вложить въ уста Магомета слѣдующее повѣствованіе: однажды я полулежалъ около Каабы, какъ вдругъ пришелъ ко мнѣ нѣкто, вскрылъ мое тѣло отъ груди до пупа и забралъ мое сердце. Поднесенъ былъ ко мнѣ сосудъ наполненный вѣрою (водою?); въ немъ обмыли мое сердце и положили его на прежнее мѣсто. Нужно ли на самомъ дѣлѣ сомнѣваться въ томъ, что образныя выраженія корана подали поводъ для составленія всѣхъ этихъ вариантовъ на тему

И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ

И сердце трепетное вынулъ.

Пользоваться этими сказаніями для составленія діагноза, предполагаемой болѣзни Магомета, рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній.

Магомету было 6 лѣтъ, когда умерла его мать Амина. Онъ остался теперь круглымъ сиротою и былъ отданъ на воспитаніе своему дѣду по отцу Абдъ-эль-мутталибу. Этому дѣду было уже 80 лѣтъ. Преданіе говоритъ, что онъ баловалъ Магомета, позволялъ ему то, чего не позволялъ другимъ, потому что провидѣлъ его великую будущность. Умирая онъ поручилъ Магомета своему сыну Абдъ-Менафу, болѣе известному подъ именемъ Абу-Талиба. Въ составъ имени этого

дяди Магомета опять входитъ языческое божество, и любопытно, что впослѣдствіи наименованіемъ Абу-Талибъ совершенно почти вытѣснили имя Абдъ-Менафъ. Это заставляетъ думать, что имя Менафъ—не случайность, а признакъ язычества и что поэтому благодарная память потомства и постаралась уничтожить этотъ признакъ у одного изъ благороднѣйшихъ покровителей и друзей Магомета. Абу-Талибъ былъ бѣденъ и многосеменъ. Онъ оказалъ много существенныхъ услугъ Магомету, но однако очень рано Магометъ уже долженъ былъ содержать себя самъ. Онъ сталъ пастухомъ овецъ. Можетъ быть здѣсь благодарная традиція захотѣла его сблизить съ Давидомъ. Какъ тотъ отъ стада перешелъ къ царскому вѣнцу, такъ Магометъ перешелъ къ служенію пророка. Подсказывается ближайшая параллель съ Амосомъ, но арабы едва ли знали объ этомъ пророкѣ. Магометъ сопровождалъ своего дядю въ его торговыхъ путешествіяхъ и такъ какъ, несомнѣнно, что онъ имѣлъ въ нихъ досуга больше, чѣмъ дядя, весьма естественно, что онъ много бесѣдовалъ со встрѣчавшимися ему людьми — христіанами, евреями, арабами различныхъ племенъ и онъ узнавалъ отъ нихъ о ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Онъ могъ присматриваться къ нимъ, къ ихъ жизни—при своихъ остановкахъ въ городахъ, — долженъ былъ размышлять о томъ, что у нихъ хорошо, въ чемъ должно было бы имъ подражать. Досуга у Магомета должно быть было довольно. онъ, вѣдь, не столько занимался торговлею, сколько находился при торговлѣ. Такъ онъ жилъ у Абу-Талиба и такъ потомъ 24 лѣтъ отъ роду онъ поселился у богатой вдовы Хадиджи. Женщина у арабовъ тогда обладала большими правами и самостоятельностью, чѣмъ впослѣдствіи. Хадиджа потеряла двухъ мужей и хотя имѣла отца, однако жила и вела дѣла самостоятельно. Ей было 39 лѣтъ, повидимому, она была моложава и привлекательна. Ея прикащикъ—Магометъ, по всей вѣроятности, сильно понравился ей, и она вышла за него замужъ. Этотъ бракъ въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ *mésalliance*’омъ: Хадиджа была богата, Магометъ бѣденъ. Даже согласіе родителя Хадиджи пришлось выманить пріемомъ близкимъ къ тому, какой предокъ Магомета употребилъ для полученія ключей отъ Абу-Губшана. Но бракъ состоялся и онъ принадлежитъ къ числу счастливей-

шихъ браковъ въ исторіи. Не смотря на разность лѣтъ, Магометъ любилъ свою жену. Говорятъ, что до нея онъ не зналъ ни одной женщины, онъ вступилъ въ бракъ чистымъ, онъ не измѣнялъ своей жевѣ и при ея жизни не взялъ себѣ другой. Впослѣдствіи Аиша, любимая жена пророка, говорила, что ни къ кому она его такъ не ревновала, какъ къ этой умершей „беззубой бабѣ“. Шпренгеръ полагаетъ, что въ юности Магометъ страдалъ тайнымъ порокомъ. Этотъ „тайный порокъ“ очевидно нужно придумать для того, чтобы объяснить проблематическую болѣзнь Магомета. Но была ли она у него? На какихъ основаніяхъ этотъ порокъ приписывается основателю ислама? Сторонники мнѣнія лишь приводятъ одно основаніе, что Магометъ рано оказался истощеннымъ и рано умеръ. Но понятіе „рано“ въ данномъ случаѣ употребляется очень условно. Магометъ умеръ на седьмомъ десяткѣ. Если принять во вниманіе, что несомнѣнно ему приходилось испытывать лишенія, что онъ перенесъ не мало бурь, такъ какъ успѣхъ достался ему не сразу и не самъ собою, что несомнѣнно онъ былъ человѣкомъ весьма нервнымъ, то можно скорѣе удивляться его долгожизненности, чѣмъ придумывать искусственныя объясненія его преждевременной смерти.

Отъ Халиджи Магометъ имѣлъ шестерыхъ дѣтей, въ томъ числѣ двухъ мальчиковъ, которые умерли младенцами. Любопытно, что одного изъ мальчиковъ онъ назвалъ Абд-Менафомъ, служителемъ Менафа. Очень можетъ быть, что это имя было дано въ честь дяди благодѣтеля, но можетъ быть здѣсь сказывалось еще и уваженіе къ Менафу. Нужно имѣть въ виду, что съ проповѣдью Магометъ выступилъ болѣе 40 лѣтъ отъ роду, а эти обстоятельства въ его жизни происходили, когда ему не было еще 30. Несомнѣнно, что у своей богатой супруги Магометъ располагалъ значительнымъ досугомъ, который въ странствованіяхъ могъ употреблять на приобрѣтеніе поучительныхъ знакомствъ и познаній, а дома—на размышленіе. Трудно выяснитъ себѣ тотъ душевный процессъ, который привелъ Магомета къ мысли, что онъ—божественный посланникъ. Дѣло въ томъ, что мы не знаемъ Магомета. Онъ былъ меланхоличень. Видно, онъ любилъ уединяться. Онъ былъ чувственень, чувствителень и отличался чувствомъ благодарности. Его чувственность

выразилась въ его любви къ женщинамъ. Чувствительность— въ томъ, что онъ нерѣдко плакалъ. Когда ему во время своихъ странствованій и уже въ очень зрѣломъ возрастѣ пришлось оказаться на могилѣ своей матери, онъ пролилъ тамъ обильныя слезы. О присущемъ ему чувствѣ благодарности свидѣтельствуемъ рассказъ, что во время войны онъ пощадилъ деревню, изъ которой происходила его кормилица. Но все это, конечно, черты, которыя присущи многимъ обыкновеннымъ людямъ, а не составляютъ характерный признакъ необыкновеннаго вождя. Онъ былъ честенъ и и добръ. Но не въ меньшей степени, чѣмъ онъ, такимъ былъ Абу-Талибъ. Плохо объясняютъ успѣхъ Магомета тѣ, которые приписываютъ ему галлюцинаціи, истеріи (наприм., мускульную истерію, это мнѣніе, высказанное Шпренгеромъ, раздѣляетъ Крымскій). Достоевскій—самъ эпилептикъ много разъ въ своихъ произведеніяхъ называетъ Магомета эпилептикомъ. Но гдѣ же у него галлюцинаціи, экстазы, патологическія видѣнія? Увидѣть необыкновенные сны, придти въ состояніе крайняго нервнаго возбужденія можетъ, вѣдь, нѣсколько разъ въ жизни и нормальный человѣкъ. Магометъ говорилъ о себѣ: „Я любилъ благовонія, женщинъ и молитву, но высшее наслажденіе находилъ только въ молитвѣ“. Еслибы Магометъ былъ дѣйствительно человѣкомъ одержимымъ эпилепсіей или истеріей, онъ испытывалъ бы блаженство экстаза, но онъ ничего не говоритъ о патологическихъ состояніяхъ блаженства. Отъ самой религіи Магомета вѣетъ чѣмъ-то тѣлесно-здоровымъ. Религія эта земная, практичная. Ей не только чуждъ экстазъ, но въ первоначальной формѣ ей чуждъ и фанатизмъ. Въ исламѣ нѣтъ мистицизма, и поэтому съ точки зрѣнія обычной психіатріи онъ долженъ быть признакъ произведеніемъ здороваго духа. Религіозный маньякъ не могъ бы создать ничего подобнаго, Да люди болѣзненно-религіозные, психически ненормальные вообще ничего не создаютъ, они могутъ быть только орудіемъ въ рукахъ другихъ людей. Думаемъ, что дѣло Магомета будетъ для насъ понятнѣе, если мы, отказавшись отъ того, чтобы надѣлять его болѣзнями и имѣя въ виду указаннаго выше его качества, присоединимъ къ нимъ еще, что онъ былъ религіознымъ энтузіастомъ, владѣвшимъ сильнымъ даромъ слова. Онъ любилъ молиться Аллаху, онъ любилъ Аллаха

милостиваго и милосердаго и ему естественно было хотѣть объединить въ этой любви людей, прежде всего людей ему близкихъ—жену, дѣтей, родственниковъ. Радость молитвы должна была внушать ему увѣренность въ успѣхъ его мечты.

До 40 лѣтъ онъ не выступалъ ни съ какими религіозными призывами. Когда ему было уже за 40, случилось, онъ жилъ съ своей семьей на горѣ Хыра, находящейся на разстояніи одного часа ходьбы къ сѣверу отъ Мекки. Это—пустынная, каменистая мѣстность съ обрывами и пропастями. Здѣсь нѣтъ красивыхъ видовъ, на которые могъ бы залюбоваться взоръ и которые разсѣяли бы духъ, все здѣсь призываетъ къ сосредоточенности и самоуглубленію. Дѣло было въ священный мѣсяцъ Реджей (Рамаданъ) въ 610 или 612 году. Во время одиночныхъ странствованій Магомета охватила дремота и затѣмъ сонъ. Нѣкто приблизился къ нему и сказалъ: читай (Ыкра). Магометъ отвѣтилъ: нѣтъ, не могу. Требованіе было повторено, при чемъ Магометъ почувствовалъ себя сдавленнымъ и почти умирающимъ. Магометъ отказался опять. Тогда онъ явственно услышалъ слова, которыя составляютъ теперь 5 первыхъ стиховъ 96-й суры корана: „Читай, во имя Господа твоего, который сотворилъ все, который сотворилъ человѣка изъ огустѣвшей крови. Читай, ибо Господь твой всѣхъ щедрѣе. Это Онъ научилъ (человѣка) его пользоваться перомъ (калемомъ). Онъ научилъ человѣка тому, чего человѣкъ не зналъ“. Эти слова корана подали естественный поводъ для созданія легенды о томъ, что ангелъ Гавріиль приносилъ Магомету свитокъ и заставлялъ его читать, хотя свитокъ былъ свернуть и обернуть въ шелкъ. Затѣмъ слово „читай“ — Ыкра — подвергалось тоже самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Но, кажется, проще и естественнѣе всего примкнуть къ тому мнѣнію, по которому *ыкра* на современный школьный языкъ удобнѣе всего перевести: будь лекторомъ, т. е. читай другимъ. Что же читать? Евреямъ ихъ учителя читали Ветхій Завѣтъ, христіанамъ—и Ветхій и Новый Завѣтъ, въ томъ и другомъ случаѣ читали откровеніе. И онъ — Магометъ долженъ стать лекторомъ, т. е. учителемъ откровенія. Правильность такого толкованія подтверждается продолженіемъ разсказа. Возбужденный Магометъ, немедленно пробудившись

отъ сна, бѣжитъ домой и рассказываетъ о происшедшемъ Хадиджѣ. Хадиджа успокоиваетъ Магомета и посылаетъ за своимъ племянникомъ Варакомъ для выясненія происшедшаго съ Магометомъ. Арабскій лѣтописецъ Ибнъ-Исхекъ представляетъ этого Варака отрешившимся отъ идолопоклонства и принявшимъ христіанство. Но если Варакъ и былъ христіаниномъ, то несомнѣнно въ какой-нибудь еретической (евѣнитско-гностической) формѣ. Происшедшее съ Магометомъ онъ истолковалъ въ томъ смыслѣ, что на Магомета сошелъ великій Намусъ, святой духъ. Такъ, преданіе повидимому достовѣрное представляетъ, что первый, провозгласившій Магомета пророкомъ, былъ христіанинъ, а первая повѣрившая этому (Хадиджа) по всей вѣроятности была язычницей. Нѣсколько времени спустя Магометъ снова блуждалъ по Хырѣ и услышалъ звавшій его голосъ. „Я—влагаетъ преданіе рассказъ въ уста Магомета — посмотрѣлъ на право и на лѣво и не увидалъ никого; поднялъ глаза кверху и замѣтилъ его (Гавріила) на тронѣ между небомъ и землей. Я испугался, вошелъ къ Хадиджѣ, женѣ своей, и сказалъ ей: покрой меня плащомъ. Тогда ангель сошелъ снова и сказалъ: „О ты, покрытый плащомъ (эльмодеттиръ). Вставай и предостерегай людей. Господь твой, прославляй Его. Одежды твои, держи ихъ чисто. А гнусности избѣгай. Не раздавай, чтобы собрать. Съ терпѣніемъ ожидай Господа твоего“. Фактъ разукрашенный преданіемъ, повидимому, состоялъ въ томъ, что при возбужденномъ состояніи духа, вызванномъ религіозными размышленіями и мыслями о налагаемой на него миссіи (ыкра), Магометъ почувствовалъ лихорадочную нервную дрожь. Бросился домой, здѣсь его укрыла плащомъ заботливая Хадиджа. И вотъ, успокоенный онъ формулируетъ нѣсколько тезисовъ: онъ долженъ *предостерегать* людей, т. е. значить быть ихъ руководителемъ, поставленнымъ свыше. Должно избѣгать гнусности, т. е. идолопоклонничества. Не должно дѣлать добра съ корыстными цѣлями, должно быть безкорыстно добрымъ; должно быть терпѣливымъ (это откровеніе содержится въ первыхъ 7 стихахъ 74 суры).

Послѣ этого (по счету второго) откровенія Магометъ безусловно убѣдился въ своемъ божественномъ посланничествѣ и свои убѣжденія и представленія разсматривалъ, какъ

внушения ему свыше святымъ духомъ. При этомъ иногда случалось, что послѣдующія откровенія стояли въ противорѣчьи съ предыдущими, т. е. по просту убѣжденія и взгляды у Магомета мѣнялись. Тогда онъ не смущался предшествовавшее откровеніе объявить своимъ личнымъ заблужденіемъ, а послѣдующее открытымъ ему Аллахомъ. Посланничество Магомета прежде всего признала его семья. Жена, дочери, двоюродный братъ Магомета Алій, сынъ Абу-Талиба, тогда еще можетъ быть мальчикъ, рабъ Зейдъ, котораго Магометъ усыновилъ. Важнымъ событіемъ для дѣла ислама было присоединеніе къ Магомету Аль-Атика, извѣстнаго болѣе подъ именемъ Абу-Бекра. Это былъ умный, честный, спокойный и твердый купецъ. Его называютъ протестанты Меланхтономъ ислама. Но, кажется, онъ былъ много практичвѣе Меланхтона, будучи такъ же сдержанъ и остороженъ, какъ этотъ дѣятель германской реформаціи. Всю свою жизнь Абу-Бекръ беззавѣтно отдалъ интересамъ ислама. Хадиджа, нужно полагать, пропагандировала о посланничествѣ Магомета между женщинами, Абу-Бекръ привлекъ къ Магомету нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ. Когда такимъ образомъ возникъ первый кружокъ магометанъ, первообщина рѣшила привлечь къ дѣлу весь родъ Хашимитовъ (потомковъ прадѣда Магомета). Родъ былъ собранъ, при чемъ причины созыва рода многимъ были неизвѣстны. Тогда собравшимся Магометъ изложилъ свое ученіе. Практичные родственники, думавшіе, что ихъ собрали для обсуждения вопроса о какой-либо торговой спекуляціи, возмутились. „Чортъ бы тебя побралъ, сказалъ дядя Абу-Лахабъ, обращаясь къ пророку, неужели ты позвалъ насъ только за этимъ?“ Пророкъ вообще не пріемлется въ своемъ отечествѣ. Людямъ близкимъ трудно представить, что тотъ, котораго они знаютъ такъ хорошо, который находится съ ними въ такихъ-то и такихъ-то отношеніяхъ, что это — человѣкъ необыкновенный, святой, посланникъ Божій. Нѣтъ никакой нужды предполагать въ Абу-Лахабѣ религиознаго индифферентизма или рационализма, несомнѣнно, онъ вѣрилъ въ Аллаха, но торжественный призывъ повѣрить въ божественное посланничество Магомета, повидимому, показался ему просто наглостью. И вотъ Абу-Лахабъ со многими родными отступилъ отъ Магомета. Но за всѣмъ тѣмъ въ отношеніяхъ къ нему родныхъ

Магометъ былъ счастливѣе многихъ пророковъ. Во 1) самые близкіе къ нему люди безусловно повѣрили въ его посланничество; во 2) сообразно съ арабскими понятіями о родовой чести хашимиты, не раздѣляя возрѣній Магомета, считали нужнымъ его поддерживать. Такимъ образомъ и не имѣя въ нихъ своихъ послѣдователей, онъ однако нашель въ нихъ защитниковъ своего дѣла.

Первообщина Магомета скоро возросла до 43 человекъ. Какъ у всѣхъ основателей великихъ религій, начинавшихъ съ призыва къ добру и съ осужденія корысти, эта община составила главнымъ образомъ изъ бѣдняковъ и рабовъ. Важнѣйшимъ лицомъ въ этой общинѣ послѣ Магомета былъ Абу-Бекръ. Но Абу-Бекръ былъ человекъ мысли, исламу нуженъ былъ еще человекъ дѣла. Такой вскорѣ явился въ лицѣ нѣкоего юноши Омара. Преданіе представляетъ, что Омаръ сначала былъ противникомъ Магомета и что Магометъ возносилъ усиленныя мольбы Аллаху о поднятіи дѣла ислама чрезъ присоединеніе къ нему Омара. Существуютъ различные варианты исторіи обращенія Омара. Одинъ изъ этихъ вариантовъ рассказываетъ слѣдующее. Омаръ выпель съ цѣлю противодѣйствовать Магомету, онъ нашель пророка вблизи Каабы, Магометъ читаль вслухъ 69 суру корана. Произносимое Магометомъ понравилось Омару и онъ сказалъ про себя: „это—поэтъ“. Но тогда Магометъ произнесъ 41-й стихъ суры:

Это не слово поэта. О, какъ мало вы вѣруете.

Это—колдунъ, подумаль Омаръ. Магометъ тогда продолжилъ (42 ст.):

Это не слово колдуна. О, какъ мало вы разсуждаете.

Тогда вѣра явилась въ сердцѣ Омара. Очень можетъ быть, что дѣло происходило совсѣмъ не такъ. Можетъ быть съ Омаромъ ничего не было похожего, но слова суры констатируютъ несомнѣнный фактъ, что кромѣ двухъ крайнихъ мнѣній, что Магометъ—лжець и шарлатанъ и что Магометъ пророкъ, существовали еще, такъ сказать, мнѣнія среднія, что онъ былъ поэтомъ или даже прорицателемъ (колдуномъ).

Магометъ провозглашалъ единство Божіе и свое божественное посланничество. Вѣра въ единство Божіе требовала борьбы съ идолопоклонствомъ. Вѣра въ посланничество Магомета требовала послушанія и подчиненія Магомету. Не

столько первая, сколько вторая должна была встрѣтить оппозицію. Никто не мѣшалъ Магомету вѣрить въ Единого Бога, но очень многіе не хотѣли стать слугами и подчиненными Магомета. Первымъ орудіемъ, которое обратили противъ него и которое, повидимому, оказалось очень чувствительнымъ, была насмѣшка. Надъ Магометомъ и его претензіями смѣялись. Порою, какъ можно заключать изъ преданій, дѣло доходило до дракъ. Но желавшіе нанести серьезный ущербъ Магомету должны были имѣть въ виду, что имъ придется имѣть дѣло со всѣми хашимитами. Поэтому дѣло и ограничивалось больше насмѣшками. „Глядите: вотъ идетъ сынъ Абдуллахи, онъ несетъ намъ вѣсти съ неба“, говорили остряки, указывая на проходившаго Магомета.

Однако эти словесные, а порою кулачные боюсы вели за собою то, что община Магомета все болѣе и болѣе обособлялась въ Меккѣ. Вѣра этой общины опредѣлилась, какъ—*исламъ*—безусловная покорность волѣ Аллаха. Послѣдователи вѣры стали называться мусульманами отъ *муслимъ*—предавшійся, т. е. волѣ Божіей. Терминъ *муслимъ* нужно отличать отъ *мумимъ*—правовѣрный, между ними такое же различіе, какое между понятіями христіанинъ и ортодоксальный. Католикъ лютеранъ и православныхъ назоветъ христіанами, но не назоветъ ортодоксальными, персъ назоветъ турка *муслимъ*, но не назоветъ *мумимъ*, такъ какъ по многимъ частнымъ вопросамъ вѣры они, какъ увидимъ далѣе, радикально расходятся. Не безъ смущенія должны были поглядывать корейшиты на медленно, однако, постоянно возрастающую общину мусульманъ. Было ясно, что разрастаніе этой общины угрожало опасностью всему строю жизни, который доселѣ существовалъ въ Меккѣ, который не зналъ единого главы и при которомъ особенно хорошо и удобно было жить богатымъ корейшитами. Повидимому, сильнѣйшимъ противникомъ Магомета былъ нѣкто Абу-Джахль (—отецъ глупостей; это насмѣшливое прозвище дано ему Магометомъ). Существуетъ преданіе, имѣющее для себя основаніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ корана, что оппозиція мекканцевъ внушила Магомету лукавую мысль сдѣлать имъ нѣкоторыя религіозныя уступки. Магометъ не могъ поступиться ученіемъ о своемъ посланничествѣ, это значило бы отказаться отъ всего своего дѣла, но будто бы онъ попытался

поступить въ нѣкоторой мѣрѣ отъ своего ученія о безусловномъ единствѣ Божиѣмъ. Пророкъ, возвѣщая свое ученіе около каабы въ присутствіи многихъ корейшитовъ, произнесъ: „хорошо ли вы поразмыслили о аль-Латъ и Оззѣ и третей между ними Монатъ? Они—благородные лебеди (гаравики) и на ихъ заступничество дѣйствительно можно надѣяться“. Эти слова поразили корейшитовъ, и когда потомъ Магометъ произнесъ молитву Аллаху, они единодушно слили свои голоса съ его голосомъ. Магометъ призналъ ихъ божества. Было ли это на самомъ дѣлѣ? Но если это и было, то Магометъ долженъ былъ сейчасъ же почувствовать всю нелѣпость своего поступка. Черезъ такое исповѣданіе онъ могъ только присоединиться къ корейшитами, но не подчинить ихъ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ это исповѣданіе онъ долженъ былъ потерять тѣхъ, которые стали ему беззавѣтно преданы. Строфы Магомета представляли отреченіе отъ его дѣла. А между тѣмъ отчаяваться въ дѣлѣ на самомъ дѣлѣ у Магомета не было причинъ. У него были надежные и цѣнные послѣдователи. Затѣмъ его плохое знаніе религій должно было внушать и дѣйствительно внушало ему мысль, что онъ легко найдетъ себѣ поддержку у христіанъ и евреевъ, которые тоже признаютъ единого Бога и сурово порицаютъ идолопоклонство. Наконецъ, несомнѣнно, что въ Магометѣ жила могучая вѣра и въ свое посланничество и во всемогущество Аллаха. Повидимому, Магомета порою смущало, почему Аллахъ не обратитъ къ истинѣ его противниковъ. Но слышанное имъ сказаніе о фараонѣ, ожесточившемся противъ евреевъ, успокоило его. „Богъ заблуждаетъ тѣхъ, кого хочетъ и направляетъ тѣхъ, кого хочетъ“ (74 сура, 34 ст.). Во всякомъ случаѣ слова объ Оль-Латъ, Оззѣ и Монатѣ вошли въ коранъ въ слѣдующей редакціи:

Что вамъ кажется объ Оль-Латъ, Оззѣ и о другой Монатѣ, третей идолѣ?

Будутъ ли у васъ мужчины, а у Бога женщины?

Этотъ раздѣлъ несправедливъ.

Это только названія; это вы и отцы ваши такъ ихъ называли. Богъ не открывалъ вамъ никакого доказательства на этотъ счетъ: вы слѣдуете только своимъ мнѣніямъ и склонностямъ, хотя и получили направленіе отъ Господа вашего. 53, 19—23.

Арабы представляли божества дочерями Аллаха. Съ арабской точки зрѣнія имѣть дочерей неслестно и для человѣка. Тѣмъ болѣе странно приписывать ихъ Богу и Магометъ. Мысль объ этихъ божествахъ называется мнѣніемъ, т. е. попросту фантазією арабовъ. Одно мѣсто въ коранѣ дѣйствительно даетъ основаніе предполагать, что приведенная редакція была непервичною, а вторичною. Вотъ что говорится въ 17 сурѣ, 75—77 стихахъ: „чуть было невѣрные своими искушеніями не удалили тебя отъ того, что мы явили тебѣ, и не довели тебя до приписыванія намъ иныхъ откровеній. О, тогда бы они смотрѣли на тебя какъ на друга. Еслибы мы не укрѣпили тебя въ вѣрѣ, ты бы уступилъ, ибо ты уже склонялся къ нимъ. Тогда бы заставили тебя испытать бѣдствія въ жизни и по смерти и ты бы не напелъ противъ насъ помощи“. Понятно, что послѣ своего краткосрочнаго паденія Магометъ долженъ былъ сильнѣе подчеркнуть догматъ о единствѣ Аллаха и вмѣстѣ съ тѣмъ говорить о невѣрности корейшитовъ. Поэтому на краткій срокъ смягчившіяся отношенія должны были особенно обостриться.

Жители Мекки обратились къ Абу-Талибу съ просьбою, чтобы онъ вразумилъ, какъ дядя, Магомета и побудилъ его отказаться отъ своей проповѣди. Абу-Талибъ, чрезвычайно много дѣлавшій для Магомета и однако не раздѣлавшій его воззрѣній, сдѣлалъ попытку образумить своего племянника. Но Магометъ отвѣтилъ: „еслибы корейшиты дали мнѣ въ правую руку солнце и въ лѣвую луну за то, что я оставляю мое дѣло прежде, чѣмъ Богъ дастъ мнѣ побѣду или я погибну, я не оставилъ бы его“. На это рѣшительное заявленіе Абу-Талибъ отвѣтилъ, что чтобы Магометъ не дѣлалъ, онъ всегда будетъ поддерживать сына своего брата. Къ Магомету скоро присоединился еще его дядя Хамза послѣ того, какъ поколотилъ ругавшаго Магомета Абу-Джахля. Корейшитовъ все болѣе и болѣе смущала община мусульманъ. Часть мусульманъ, правда, уже въ два пріема перекочевала въ Абиссинію въ надеждѣ, что христіане, какъ единобожники, а по нетвердой догматикѣ Магомета, вродѣ какъ бы единовѣрцы, дадутъ имъ надежный пріютъ. Но уходили послѣдователи, а оставались пропагандисты. Стремясь уничтожить послѣднихъ, корейшиты прибѣгнули къ такому средству. Они постановили прекратить всякія сношенія съ

мусульманами, ничего у нихъ не покупать, ничего имъ не продавать и не допускать ихъ въ каабу. Между тѣмъ храмъ каабы, правда, заключая въ себѣ и идоловъ, былъ однако единствепнымъ храмомъ Аллаха. Постановленіе это не только простиралось на всѣхъ мусульманъ, но на всѣхъ хашимитовъ, даже не вѣрившихъ въ дѣло Магомета, какъ Абу-Талибъ, и однако поддерживавшихъ это дѣло. Вслѣдствіе этого постановленія въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ мусульмане терпѣли страшныя лишенія и нужды, они обособились въ кварталъ или—вѣрнѣе—ущелья Абу-Талиба. Часто они не могли найти пастбищъ для своего скота. Внѣ предѣловъ Мекки къ нимъ относились съ недовѣріемъ, какъ къ людямъ, которыхъ отвергли единоплеменники; въ Меккѣ къ нимъ не относились никакъ. И тѣмъ не менѣе, поступились въ концѣ концовъ не мусульмане, а ихъ противники. Сношенія между корейшитами и мусульманами возстановились. Какъ случилось это? Выдвигаютъ гипотезу, что соглашеніе будто бы установилось на основаніи договора, по которому Магометъ обязывался не проповѣдывать въ Меккѣ. Но есть ли необходимость въ такой гипотезѣ? Гораздо легче, кажется, допустить, что примиреніе совершилось само собой, чѣмъ путемъ заключенія какихъ-то формальныхъ договоровъ. Были причины, которыя естественно должны были колебать постановленія корейшитовъ. Во 1) у многихъ изъ нихъ не было никакихъ побужденій преслѣдовать мусульманъ. Пусть ихъ проповѣдываютъ, что угодно. Дѣло Магомета грозило тѣмъ, кто управлялъ теченіемъ мекканской жизни—богатымъ и знатнымъ, а для людей небогатыхъ было рѣшительно все равно, въ чьихъ бы рукахъ не оказалось это теченіе. Во 2) многія родственныя узы и узы можетъ быть еще болѣе крѣпкія, чѣмъ родственныя, связывали многихъ корейшитовъ съ хашимитами. Смотрѣть на бѣдственное положеніе послѣднихъ первымъ должно было быть и горько и стыдно. Если сестра, вышедшая замужъ за хашимита, сидѣла голодная безъ куса хлѣба, какъ мимо ея не глядя могъ пройти братъ корейшита. И запрещеніе сношеній должно было нарушаться. Могло даже произойти, что страдающая община хашимитовъ завоевывала себѣ симпатіи среди корейшитовъ и вызывала въ послѣднихъ негодованіе противъ инициаторовъ запрещенія. Запрещеніе по-

степенно теряло силу и, наконецъ, на практикѣ было отмѣнено совсѣмъ.

Но оно имѣло послѣдствія. Уже переселеніе правовѣрныхъ въ Абиссинію показываетъ, что мусульмане постепенно убѣждались въ мудрости правила: если васъ не принимаютъ въ одномъ городѣ, идите въ другой. Во время разрыва съ мекканцами они сознали необходимость завязать сношенія съ племенами внѣ Мекки. Послѣдующія обстоятельства представили для этого еще сильнѣйшія побужденія. Умерла Хадиджа. Въ одномъ отношеніи это, повидимому, развязало руки Магомету. Менѣе, чѣмъ черезъ два мѣсяца, онъ женился снова на вдовѣ одного мусульманина и затѣмъ почти немедленно обручился на Аишѣ, дочери своего друга Абу-Бекра (можетъ быть, отсюда называвшагося: отецъ дѣвицы), имѣвшей 6 или 7 лѣтъ. Но въ новой женѣ и невѣстѣ Магометъ не могъ найдти того, что потерялъ въ умершей. Хадиджа была для него не только женой, но и заботливой и умной матерью, много способствовавшей успѣху его дѣла и своими связями съ корейшитами несомнѣнно противодѣйствовавшей обостренію отношеній съ ними своего супруга. Въ слѣдъ за Хадиджей сошелъ въ могилу и Абу - Талибъ. Этотъ человѣкъ глубоко уважавшійся всѣми въ Меккѣ своимъ нравственнымъ авторитетомъ сдерживалъ направлявшіеся на Магомета напоры негодованія. Теперь между Магометомъ и его противниками не было посредника, которому бы одинаково довѣряла какъ та, такъ и другая сторона. Руководимый чувствомъ родственнаго долга другой дядя Магомета ранѣе, разсорившійся съ нимъ, Абу-Лахабъ заявилъ ему, что онъ будетъ ему защитой. Магометъ, конечно, былъ доволенъ этимъ. Но противники Магомета подучили Абу-Лахаба спросить у него о загробной судьбѣ своего отца. Магометъ отвѣтилъ, что въ загробномъ мірѣ онъ находится съ своими родичами. Абу-Лахабъ готовъ былъ успокоиться на этомъ. Но заинтересованные люди объявили ему, что „съ своими родичами“ значить: въ аду. Спрошенный снова Магометъ былъ принужденъ сознаться, что это дѣйствительно такъ, и тогда Абу-Лахабъ прервалъ съ нимъ всякія сношенія.

Нужно было искать сочувствія и поддержки внѣ Мекки. Магометомъ вмѣстѣ съ усыновленнымъ Зейдомъ (бывшимъ

работѣ) была предпринята попытка найти таковыя въ ближайшемъ городѣ въ Меккѣ—Таифѣ. Здѣсь на свои призы и проповѣдь Магометъ получилъ слѣдующее: неужели Аллахъ, еслибы онъ хотѣлъ послать пророка не могъ послать никого лучше тебя? Или другой отвѣтъ: отказываюсь говорить съ тобою. Если ты посланникъ Божій, ты для меня слишкомъ высокъ и я не смѣю съ тобою спорить, а если ты—самозванецъ, ты для меня слишкомъ низокъ и вести съ тобою бесѣду ниже моего достоинства. Затѣмъ противъ Магомета возбуждено было населеніе и онъ подъ градомъ камней и насмѣшекъ долженъ былъ бѣжать обратно вовсе въ небезопасную для него Мекку. Снисходительность и великодушіе нѣкоторыхъ корейшитовъ спасли Магомета и его спутника отъ преслѣдователей. И замѣчательно, не смотря на свое крайне жалкое положеніе, Магометъ при этихъ условіяхъ имѣлъ видѣніе или сонъ, что духи (джинны — *genii*) поклоняются ему и жаждутъ слышать его откровенія. Очевидно, не смотря на полнѣйшій неуспѣхъ въ настоящемъ, въ Магометѣ горѣла твердая увѣренность на успѣхъ въ будущемъ.

Въ Ятрибѣ, городѣ лежащемъ къ сѣверовостоку отъ Мекки, были два племени Аусъ и Хазраджъ, которыя взяли преобладаніе въ городѣ надъ жившими тамъ евреями, но во время мекканской проповѣди Магомета находились во взаимной враждѣ, которая тяготила оба племени и не приводила ни къ какому доброму концу. Отъ евреевъ эти племена многократно слышали, что долженъ явиться великій пророкъ. Евреи добавляли еще, что этотъ пророкъ устроить благополучіе евреевъ и погубить аусовъ и хазраджитовъ. Не придавая никакого значенія этой угрозѣ, хазраджиты и аусы заинтересовались обѣтованіемъ о пророкѣ. Между тѣмъ распространились слухи, что въ Меккѣ явился пророкъ. Преданіе рассказываетъ, что весной 620 г. Магометъ встрѣтилъ нѣкоторыхъ хазраджитовъ шедшихъ на богомолье въ Мекку, сталъ имъ проповѣдывать, они увѣровали, что онъ дѣйствительно посланникъ божій и проповѣдь Магомета или, вѣрнѣе, пока проповѣдь о Магометѣ, какъ посланникѣ, начала распространяться и въ Ятрибѣ. Повидимому, въ лучшихъ умахъ тамъ скоро созрѣла мысль, что принятіе вѣры Магомета можетъ объединить враждующія племена Ятриба

и установить миръ и благополучіе въ городѣ. Мусульманство стали принимать и люди изъ племени Хазраджъ и люди изъ племени Аусъ. Въ 621 г. Магометъ далъ своимъ ятрибскимъ прозелитамъ вождя изъ мекканцевъ (этимъ онъ не обидѣлъ никакое изъ ятрибскихъ племенъ) и заповѣди для руководства: не давать Богу никого въ товарищи, не красть, не нарушать брака, не убивать собственныхъ дѣтей (противъ часто практиковавшагося убійства собственныхъ дочерей), не выдумывать и не передавать клеветы; во всемъ, что ведетъ къ добру, слушаться пророка. Заповѣди эти—за исключеніемъ послѣдней—представляютъ собою какъ бы извлеченіе изъ десятисловія.

Было, повидимому, повѣрье въ Аравіи, что изъ Мекки пророкъ не приходитъ и что родиной пророковъ является Сирія. Это говорили Магомету и прибавляли: сходи въ Сирію и мы увѣруемъ въ тебя. Эти рѣчи дѣйствовали на Магомета и онъ, повидимому, рѣшилъ совершить паломничество на сѣверъ—въ Сирію или Іерусалимъ. Но обыкновенное паломничество было замѣнено чудеснымъ путешествіемъ въ Іерусалимъ, совершившимся, повидимому, въ кратчайшую долю мгновенія. Существуетъ много различныхъ редакцій ночного путешествія Магомета. Сущность ихъ всѣхъ сводится къ слѣдующему.

Ночью ангелъ Гавріиль разбудилъ Магомета, вывелъ его изъ дома и посадилъ на чудесное животное Аль-Буракъ (сверкающій), который моментально доставилъ пророка въ самый дальній (самый сѣверный въ Іерусалимѣ или самый дальній по отношенію къ Меккѣ) храмъ. Пророкъ вступилъ въ храмъ вмѣстѣ съ Авраамомъ, Моисеемъ и Христомъ. Когда они молились Магомету были предложены три кувшина: одинъ съ водой, другой съ виномъ третій съ молокомъ. Голосъ свыше возвѣстилъ, что если онъ выпьетъ воду, то потонетъ вмѣстѣ съ своими послѣдователями; если выпьетъ вино, заблудится вмѣстѣ съ ними; если выпьетъ молоко, пребудетъ въ истинѣ вмѣстѣ съ своей общиной. Пророкъ выпилъ молоко. Затѣмъ пророкъ возведенъ былъ на небо по лѣстницѣ, которую Іаковъ видѣлъ во снѣ. Магометъ проведенъ былъ здѣсь черезъ семь небесъ. Онъ видѣлъ ангеловъ, рай, адскій пламень, Адама, патріарховъ, Іоанна Крестителя, Іисуса. Мимо Авраама на седьмомъ небѣ

ежедневно проходить 70000 ангеловъ, которые не вернутся въ рай до страшнаго суда. Наконецъ, ангель Гавриилъ привелъ Магомета предъ лице Божіе. Господь положилъ на мусульманъ обязанность читать ежедневно по 50 молитвъ. Магометъ принялъ это повелѣніе и затѣмъ, начавши обратный путь, сообщилъ о немъ Моисею. Еврейскій законодатель указалъ арабскому, что это иго слишкомъ трудно: молитва тяжела, а народъ твой слабъ, проси Господа объ облегченіи. Магометъ обращается къ Господу. По его мольбамъ Господь постепенно уменьшаетъ число обязательныхъ молитвъ и, наконецъ, ограничиваетъ ихъ пятью, какъ это и имѣетъ мѣсто до настоящаго времени. Послѣ этого Магометъ на Аль-Буракѣ возвращается въ Мекку, въ свой домъ и на свое ложе. Когда онъ поднимался съ ложа передъ началомъ путешествія, онъ опрокинулъ стоявшій около кровати кувшинъ съ водою и когда онъ возвратился, вода изъ кувшина еще не вылилась. Значить, все путешествіе совершалось *въ чертъ времени*.

Такова каноническая легенда. Она, повидимому, находитъ себѣ подтвержденіе въ коранѣ. 17-ая сура начинается стихомъ: „слава Тому, кто въ продолженіе ночи перенесъ своего слугу изъ священнаго храма Мекки въ отдаленный храмъ Іерусалима, округъ котораго мы благословили для видѣнія нашихъ чудесъ. Богъ слышитъ и видитъ все“. Но уже и этотъ стихъ, ясно, стоитъ въ несогласіи съ легендой. Преданіе не представляетъ Магомета въ храмѣ, потому что въ этотъ періодъ доступъ въ меккскій храмъ ему былъ совершенно закрытъ. А когда этотъ храмъ открылся предъ Магометомъ, имъ уже было издано повелѣніе молиться не на Іерусалимъ, а на Мекку и съ евреями религіозная связь была совершенно порвана. Такимъ образомъ уже этотъ стихъ оказывается не историческимъ, а преданіе—еще позднѣйшее (сложилось лѣтъ черезъ 200 послѣ событія) стоитъ въ противорѣчьи и съ этимъ стихомъ. Но въ этой же сурѣ есть стихъ, который, кажется, даетъ возможность вполнѣ выяснить дѣло: „Вспомни, какъ мы говорили: Богъ окружаетъ людей со всѣхъ сторонъ. Мы показали тебѣ видѣніе, которое тебѣ было, мы дали тебѣ видѣть дерево проклятое въ коранѣ, чтобы только бросить въ среду людей предметъ ссоры. Мы ихъ напугали, но это только увеличило ихъ ве-

ликое возмущеніе“ (62). Итакъ, фактъ состоялъ въ томъ, что Магомету привидилось, что онъ совершилъ путешествіе изъ храма мекканскаго въ храмъ Іерусалимскій, и что разсказъ его объ этомъ вызвалъ споры. Надо замѣтить, что въ этотъ періодъ дѣятельности Магомета его мысли часто должны были обращаться къ сѣверу, къ евреямъ, къ Іерусалиму. Сонъ приведеннаго содержанія естественно могъ привидиться ему. Всѣ споры о томъ, какъ понимать это видѣніе, разрѣшилъ Абу-Бекръ, сказавъ: какъ разсказалъ Магометъ, такъ и было. За это пророкъ назвалъ Абу-Бекра Асъ-Сиддикомъ, защитникомъ правды. Но наша бѣда въ томъ, что мы теперь не знаемъ, какъ на самомъ дѣлѣ разсказывалъ объ этомъ Магометъ.

Одно представляется несомнѣннымъ. Магометъ въ своей общинѣ почитался какъ пророкъ, но не какъ чудотворецъ. Къ нему не притекали толпы съ мольбою объ исцѣленіяхъ и отъ его гнѣва не бѣжали его враги изъ опасенія небесной кары. Напротивъ, традиція постоянно представляетъ, что Магометъ, не располагавшій никакими сверхъестественными силами, постоянно нуждался въ естественной помощи отъ своихъ почитателей. Его рѣчи они считали божественнымъ откровеніемъ. Но только рѣчи. Коранъ показываетъ, что ему не были открыты какія-либо особенныя видѣнія. Въ коранѣ нѣтъ фантастическихъ картинъ галлюцинатора. Вотъ почему теоріи эпилепсіи, мускульной истеріи, вообще психической ненормальности представляются намъ не только не помогающими пониманію дѣла, но, напротивъ, вредящими этому пониманію. Дѣятельность Магомета, его политика войны, отношеніе къ людямъ обнаруживаютъ неизмѣнное сохраненіе здравомыслія, что невозможно въ человѣкѣ подвергающемся нервному изступленію. Есть сказанія, которыя ярко подчеркиваютъ, что Магометъ не былъ чудотворцемъ. Такъ разсказывается, что когда на пути въ Мекку послѣдователи Магомета встрѣтили одного араба — кочевника, указанія котораго имъ понадобились, то, желая внушать ему особое почтеніе, сказали, что среди нихъ находится посланникъ Божій. „Если ты посланникъ Божій, сказалъ бедуинъ, обращаясь къ Магомету, то сообщи, что находится въ утробѣ вотъ этой верблюдицы“. Видно, что Магометъ полагалъ свое

посланничество не въ такихъ указаніяхъ. При другомъ случаѣ Магометъ предложилъ бывшимъ съ нимъ вскарабкаться на одинъ утесъ, говоря, что за это имъ отпустятся грѣхи, какъ нѣкогда они были отпущены сынамъ израиля. Многіе вскарабкались. Присутствовавшій при этомъ одинъ бедуинъ, сидѣвшій на верблюдѣ, равнодушно смотрѣлъ на старанія правовѣрныхъ получить отпущеніе грѣховъ. Его стали уговаривать сдѣлать то же, что и другіе и съ тою же цѣлью. Онъ отвѣтилъ: „вотъ еслибы мнѣ найти моего заблудившагося верблюда, это было бы для меня поважнѣе отпущенія грѣховъ“. Гольдциеръ, изъ статьи котораго мы заимствуемъ эти рассказы, приводитъ ихъ въ доказательство того, что арабы-кочевники нерелигіозны и что ихъ не интересуютъ вопросы о будущей жизни и раѣ. Позволительно утверждать, что рассказы Гольдциера подсказываютъ совсѣмъ противоположные выводы. Въ рассказахъ ясно представляется, что лица оставшіяся равнодушными къ божественному посланничеству Магомета и желавшія только выгодныхъ для себя чудесъ, были исключеніями. Особенно это видно изъ второго рассказа, гдѣ всѣ бывшіе съ пророкомъ (изъ разныхъ племенъ) полезли на гору. Бедуинъ, тосковавшій о пропавшемъ верблюдѣ, былъ единичнымъ исключеніемъ, да при томъ какъ ни какъ его можно отчасти и извинить: вѣдь, нужно было немедля съ отысканіемъ верблюда, а дѣло спасенія души можно было и отложить ненадолго. Изъ приведенныхъ рассказовъ слѣдуетъ, что Магометъ привлекалъ къ себѣ не чудесами, а своею религіозно-правственною проповѣдью и обѣщаніями такихъ отдаленныхъ благъ, какъ райское блаженство.

И безъ содѣйствія чудесъ общество правовѣрныхъ росло. Весною 622 года, когда жители Ятриба съ паломническими цѣлями явились въ Мекку, у нихъ былъ заключенъ договоръ, по которому мусульмане во главѣ съ Магометомъ имѣли переселиться въ Ятрибъ и должны были тамъ встрѣтить радушный пріемъ и быть принятыми въ составъ ятрибскихъ поселенцевъ. Договоръ этотъ былъ заключенъ въ ночномъ засѣданіи, при чемъ со стороны Магомета дѣйствовалъ его дядя Аббасъ (тотъ самый, что обратилъ впослѣдствіи въ исламъ Абу-Софьяна, см. гл. 1), повидимому, нахо-

дившій истину только тамъ, гдѣ его носъ почуялъ выгоду. Магометъ въ помощники себѣ избралъ 12 накъбовъ или вождей (по примѣру 12 апостоловъ). Неясные слухи о договорѣ стали распространяться, но пока мекканцы не переходили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, ятрибцы ушли къ себѣ, а вслѣдъ за ними началась эмиграція мусульманъ. Наконецъ, мекканцы спохватились. Они видѣли, что отъ нихъ уходитъ родъ Магомета, его послѣдователи изъ другихъ родовъ и племенъ, что всѣ эти люди и—что еще важнѣе—городъ Ятрибъ станутъ къ нимъ во враждебныя отношенія. Представители всѣхъ родовъ корейшитовъ, кромѣ родичей Магомета, собрались обсуждать, что дѣлать. Сначала было думали заключить Магомета въ тюрьму. Но потомъ Абу-Джахль сдѣлалъ такое предложеніе: „Пусть каждый выберетъ изъ своей среды по вліятельному лицу, пусть всѣ эти выбранные — ихъ будетъ 11, — сразу нападутъ на Магомета и убьютъ его. Тогда родственникамъ Магомета нельзя будетъ прибѣгнуть къ родовой мести, такъ какъ мстить нужно будетъ всѣмъ родамъ. Они могутъ тогда потребовать себѣ только виру (денежный штрафъ во 100 верблюдовъ), которую мы охотно заплатимъ“. Этотъ, совѣтъ достойный Ахитофела, показываетъ, что Магометъ далеко несправедливо называлъ Абу-Джахля отцомъ невѣжества или отцемъ глупостей. По сказанію самихъ магометанъ этотъ совѣтъ былъ внушенъ сатаной, будто лично присутствовавшимъ въ собраніи въ образѣ старика, закутаннаго въ мантию. Планъ не удалось осуществить. Въ то время какъ Алій, завернувшись въ темнозеленый плащъ Магомета, лежалъ на постели пророка и установившіе за нимъ надзоръ мекканцы думали, что предъ ними находится ихъ злѣйшій врагъ, Магометъ съ Абу-Бекромъ, бѣжали изъ Мекки къ югу и скрылись здѣсь въ одной пещерѣ. Когда обманъ открылся, была выслана погоня, но Магомета не нашли, потому что искали его на сѣверѣ, а не на югѣ. Выждавъ время, Магометъ съ Абу-Бекромъ окольными путями направились въ Ятрибъ, Здѣсь Магомету была устроена торжественная встрѣча, и Ятрибъ сталъ называться Мединой (Мединетъ - анъ-Набий). т. е. городомъ пророка. У Магомета сначала не было собственнаго дома въ Мединѣ, и племена Аусъ и Хазраджъ

могли ревниво слѣдить, кому изъ нихъ отдасть предпочтеніе пророкъ, воспользовавшись гостепріимствомъ. Но Магометъ представилъ дѣло божественному рѣшенію. Въѣхавъ въ городъ, онъ опустил поводья. Животное самостоятельно остановилось предъ домомъ одного хазраджита, и Магометъ временно поселился у него.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. Глазозевъ.
